

ПОДЪЕМ АЗИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Характерной чертой российской общественной мысли (впрочем, это скорее общемировое явление) была, думается, недооценка роли цивилизационного фактора как на внутренней сцене — в развитии различных стран, так и на внешней — во взаимоотношениях между ними. Сейчас внимание к данному фактору заметно растет, и не только в силу логики научного познания. К этому подталкивает реальность.

В международных политических и экономических отношениях ныне происходит крутой поворот. Он характеризуется вступлением в игру целой группы держав, прежде всего в Азии, с потенциалом глобального влияния, крупными изменениями в балансе сил на арене целых континентов и в планетарном масштабе, вовлечением в историческое творчество сотен миллионов людей, известным ограничением возможностей международных олигархов. По сути можно говорить о начавшейся радикальной реструктуризации международных отношений, вступлении в новую эпоху и, больше того, заре великой геополитической революции.

Трансформация Китая и Индии уже сама по себе преобразила Азию. Кстати, оказалось, что Наполеон был не очень далек от истины, когда говорил о Поднебесной: «Там лежит гигант. Пусть спит. Когда проснется, он сотрясет мир». В самом деле, Китай стремительно набирает силу и уже стал признанным локомотивом мировой экономики.

Все это знаменует фундаментальную перемену в исторической парадигме: Азия возвращается в центр мировой истории и свое будущее отныне будет определять сама. Такова одна из важнейших примет нового мирового порядка. С этой точки зрения тем более деструктивны сохранившиеся стереотипы отношения к Азии (это, к сожалению, относится и к России), в которых недооценка ее креативных возможностей соседствует с высокомерием и негативной предрасположенностью.

Между тем XXI век — это время новой встречи Запада и Востока в самом широком смысле. В ушедшем столетии распад колониальных империй, изгнание колонизаторов были равносильны отрыву, пусть частичному, Востока от Запада. Сейчас они встречаются вновь, но положение принципиально иное: это встреча не колонизатора с колонизируемым, то есть поработавшего Запада с поработаемым Востоком, а стремительно развивающегося Востока с Западом, который пытается отстоять свое привилегированное положение. Кроме того, они встречаются в ра-

дикально изменившихся условиях — условиях глобализации.

Эту встречу осложняют многие факторы: непреодоленная психология превосходства и патернализма, которая накладывается на гегемонистский курс США, тянущих за собой других натовцев; стремление Запада модернизировать Восток по своему образу и подобию; цивилизационные различия и решимость «восточников» отстоять свою национальную и цивилизационную идентичность; отсталость, нищета и ксенофобские настроения на Востоке и Западе; подъем политического ислама и многое другое. И все же определяющую роль в позиции Азии сыграют ее заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве, растущая внешнеполитическая зрелость азиатских государств и понимание своей ответственности за обеспечение адекватного ответа на глобальные вызовы.

Принципиальный исторический вопрос состоит в том, сумеет ли Запад строить отношения с Востоком на новой основе — равноправия и почтения к его специфике, уважительного отношения к его цивилизационным основам, признания необходимости культурного взаимодействия и т. д. Найдет ли Запад такую основу, дружественный *modus vivendi*² — жизненно важный вопрос для него самого.

Восхождение Азии окончательно выбивает почву из-под европо- и американоцентристского концептуализма и означает для них нечто вроде *coup de grâce*³. Но это отнюдь не является достаточным основанием для конструирования философии азицентризма, прогнозов о том, что XXI век станет азиатским, что начинается «мировой порядок с центром в Азии» и т. п. Иначе говоря, теперь создается псевдонаучный флюс⁴ обратного порядка. И среди выступающих с подобными утверждениями такие известные политические аналитики, как Ж. Аттали, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и многие другие.

Однако время таких подходов и концепций безвозвратно прошло. Мир уже небывало многообразен, а станет еще многообразнее благодаря постепенному выходу из политического анабиоза все новых действующих лиц. XXI век будет полицентрическим, если угодно, концентрическим. Любые центристские теории жизни и развития нашей планеты противоречат целостной парадигме мировой истории.

В достижениях азиатских стран значительную роль сыграли, как это уже стал признавать и Запад, цивилизационные факторы. Например, в том же Китае. Еще недавно утверждалось (в частности, Максом Вебером), что конфуцианство — барьер на пути модернизации. На деле же в китайском «чуде» огромную роль сыграл громадный цивилизационный задел, в который органично входит

¹ Вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор.

С 1961 года работал в аппарате ЦК КПСС. С 1991 года — советник Президента СССР М. С. Горбачева. Автор публикаций на общественно-политические темы: «Освободившиеся страны: некоторые проблемы и перспективы», «Освободившиеся страны в 70-е годы», «О внешнеполитической концепции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Тридцать лет на Старой площади», «Внешняя политика России: новый этап?», «Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке», «Закат американской гегемонии».

² *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни, способ существования. — *Примеч. ред.*

³ *Coup de grâce* (фр.) — удар милосердия, которым добивали тяжело раненого, уже не оказывающего сопротивления противника, чтобы прекратить его мучения. — *Примеч. ред.*

⁴ Флюс (от нем. Fluß) — поток, течение. — *Примеч. ред.*

конфуцианство, до сих пор серьезно влияющее на образ мыслей и стереотип поведения китайцев. Речь идет о высокой трудовой этике, трудолюбии (как необходимом условии выживания), дисциплине и уважении к старшим (что предполагает определенное отношение к власти наряду с принципом управления на основе сложившихся традиций, этических норм и презумпции «человечности»). Характерно и то, что открытые в 78 странах центры, призванные «объяснять» сегодняшний Китай, названы центрами Конфуция.

Как известно, влияние конфуцианства выходит далеко за границы Китая. В целом в азиатском цивилизационном коде имеют немалое значение следующие компоненты конфуцианского кредо: верность традициям, человеколюбие, чувство долга, уважение к старшим, соблюдение правил общественных, внутрисемейных и групповых отношений, верность таким ценностям, как иерархия, долг, консенсус, подчинение интересов личности интересам группы, клана¹. Модернизация реализовалась и реализуется, опираясь в значительной степени на этот цивилизационный код.

Я, разумеется, не имею в виду, что коллективистские начала отсутствуют в западной культуре, а индивидуалистическое начало — в восточной. Речь идет лишь о выраженности, интенсивности соответствующих компонентов.

Новая роль Азии в мире, надо думать, приведет (и уже ведет) к повышению ее культурно-цивилизационного влияния. Расширенная и укрепившаяся азицентристская культурная идентичность — неизбежный спутник подъема Азии, и это будет иметь глубокие последствия.

Запад, думается, только выиграл бы от обогащения некоторыми ценностями и уроками китайской и индийской цивилизации, вклад которых уже присутствует в копилке европейского цивилизационного богатства. Воздействие некоторых сторон восточной культуры (разумеется, в модифицированном и модернизированном виде) было бы небесполезно для излишне коммерциализированных, рационалистических, индивидуалистических и духовно обедняемых западных обществ. Может быть, Азии, Восто-

ку, перенимая достижения Запада и соединяя их со своими, предстоит внести незаменимую лепту в поиски некоего промежуточного идеала, доказать, что достижения западного общества отнюдь не конечный пункт развития человеческой цивилизации.

Как бы то ни было, уже сейчас видно, что Восток (в данном случае я имею в виду прежде всего Восточную Азию, но это относится и к более широкой группе развивающихся стран) переживает модернизацию отнюдь не на путях так называемой вестернизации, переноса институтов и ценностей Запада, а сохраняя и даже укрепляя свою идентичность, что не мешает использовать и перенимать его достижения. Оказалось, что вопреки утверждениям западных идеологов такой перенос совсем не обязательный ключ к вступлению в современность.

Но, конечно, речь идет не о каком-то одностороннем процессе, а о диалоге цивилизаций, в котором обе стороны «слушают» и взаимообогащают друг друга.

Экономический рывок, произошедший в ряде стран Азии, имел социально-культурные и психологические последствия, которые получили общеазиатский резонанс. Произошел серьезный сдвиг в сознании народов региона. Заметно поднялась планка самооценки и по большей части преодолено представление о превосходстве Запада. Отголоском этого является то, что в Азии заговорили об «азиатской» идее, азиатском самосознании, имея при это в виду, что именно с ними неразрывно связана бурная экономическая динамика азиатских стран. Причем растущая популяризация и популярность тезисов об «азиатской» идее и азиатской модели служит своего рода спусковым крючком для роста национального самосознания народов региона. Это создает потенциал и для развития национализма.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что равноправный и взаимообогащающий диалог цивилизаций — это актуальнейший вопрос сегодняшнего дня и всей нашей эпохи. Но огромную, если не решающую роль предпосылки такого дружественного диалога играет формирование политических основ равноправных отношений и сотрудничества между Востоком и Западом.

¹ Подробнее об этом см.: Гаджиев К. Вестернизация или особый путь модернизации? // Полис. 2008. № 4. С. 148–163.